

Литературная Страница

Мы уже сообщали нашим читателям, что в книжных магазинах появился сборник стихов члена Союза писателей СССР Владилена Машковцева — «Противоречия сердца». Сегодня мы печатаем несколько стихотворений из этой новой книжки поэта.

Я все еще во сне летаю

Я все еще во сне летаю,
взмахну руками и лечу.
И подо мною
крыши гают,
и ночь качает каланчу.
И льется в лунные озера
голубое молоко.
А я лечу над темным бором,
как птица,
плавно и легко.

Но почему тревожным следом
отмечен в сердце этот взлет?
Я знаю с детства:
по приметам —
во сне летающий растет.
Мы все, наверно, реять любим,

но как бывает страшен суд,
когда во сне летают люди,
а в яви явно не растут.
Мир видя в капельке единой,
колдую я и чуда жду.
Не будет — с песней лебединой
на скалы грудью упаду.

Рябины ветка золотая
скользит
по лунному лучу...
Я все еще во сне летаю,
взмахну руками и лечу.
И как бессильно тяготенье,
и как прекрасен этот час,
когда предчувствие паденья
не останавливает нас.

Ни мороз нам не страшен,
ни жара...
Фотоэтиюд В. Якушева.

И Волга русская течет...

Россия, ты мне жизнь дала,
чтобы во мне

всегда звучали
твои тревоги и печали,
твои великие дела.
И ухода

от легких веяний,
я принимаю эту жизнь
за то, что судьбы поколений
во мне бунтующе слились.
Я знаю:

мне не будет легче
в твоём труде,
в твоей борьбе.

Но в этот век противоречий
цельна любовь моя к тебе.

Не нужно мира мне иного,
Россия,
я с тобой окреп.
Пронзительная правда слова
необходима мне,
как хлеб.

Друзья,
искатели,
поэты...
глаза мои, как синь, чисты.

Я не могу пройти по свету
без доброй

русской красоты.
Взлетает песня

белым лебедем,
журчат умеренные ручьи.

И говорят зеленым лепетом
березы русские мои.

И даль дорог меня влечет,
чтобы в ночах

кострами греться...
И Волга русская течет
через мое большое сердце!

Жизнь

Вновь тучи черные нависли...
вновь солнце кружится, звеня...
Как пеленгатор, ловят мысли
греблю будущего дня.

Там стронций злой на лист
жень-шеня

библейским падает дождем.
И через страшные крушенья
мы к возрождению идем.

Ясна предельно сложность века,
необъяснима простота.
Столкнулись

в сердце человека
неправота и правота.

Еще в крови таится каста,
еще плывет в челне варяг...
Умы, как будто государства,
в противоречиях горят.

А жизнь
в своем движении властна,
в непостижимом — велика.
В грядущей горечи прекрасна,
в ушедшей радости горька.

Ночь в тайге

Над буреломом тени-взмахи.
Блики пляшут возле пня.
Горит костер,
и, как монахи,
стоят деревья у огня.

В глуши,
в тиши дремучей, древней
не шевельнется и шалфей.
Молчат угрюмые деревья,
как будто казни ждут моей.

Раздумье сумраком навеяно
и грустным запахом коры.
Я, как на формулы Эйнштейна,
смотрю на звездные миры.

Мне непонятны эти формулы,
я их постигнуть не могу...

Но ощущение
новой формы
ко мне приходит через мглу.

Заречье

Где же ты, зеленое Заречье?
Снежный трепет
стиранных рубашек...

Мне живется лучше, но не легче
в каменных, удобных городах.

Вижу сосны,
гуси между избами...

Мама шаньги сдобные печет.
Через хлебный август,
будто исповедь,
речка синеструйная течет.

Может, одиноким я остался!
Не решу мучительный вопрос.
От земли я горько оторвался,
к городу счастливо не прирос.

Звездопад

Небо в огненных росчерках —
золотой звездопад.
На гранитном карьере
перезвоны лопат.

Паровоз рассердился,
горланит баском.
Звезды плавают
в желтом пруду заводском.

А рабочие парни
к мартенам спешат
и не видят в пруду
золотых лягушат.

Пляшет рыжее пламя
на рыжей руде,
отражаются
трубы мартенов в воде.

Ночь над городом,
сумрак сквозит синевой.
Сердце бросил
в разливочный ковш горновой.

Что же это такое?
Замирает душа...
Звезды огненным гейзером
бьют из ковша.

Звезды блещут на скатах
и на крошках лопат.
Ах, какой удивительный
золотой звездопад!

Красота

Вдали не стала ты далекой,
пойми, что я тебя люблю.
Я создаю тебя с тревогой,
глаза закрою и леплю.

И дивны линии, как звуки...
Скажи: что делать мне? Скажи!
Целую мраморные руки,
забыв, что в мире есть ханжи.

Ничто,
ничто мне не обещано,
но сердце видит всплески дня,

когда в тебе проснется
женщина,
меня зовущая, меня!

Еще не познано единство,
слова не высказаны те...
Есть обещанье материнства
в прекрасной
женской нагоде.

Ваяю я тебя, как Фидий,
по тонким линиям скользю.
И надо мне тебя увидеть,
и видеть мне тебя нельзя.

Когда идет девятый вал

Разочарованные вишни
на берегу роняют цвет,
а мы, ликуя, в море вышли,
и парус врезался в рассвет.

Стихия буйствует безлико,
и рифы прыгают к рулю,
и реют чайки белакрым.
пророка гибель кораблю.

Но мы о милости не молим,
нам по колено океан.
Бунтуй,
яришь в крамоле, море,
на горизонте — караван.
Там в трюмах

пряности и золото,
скрипит уверенно штурвал.
Но тонут старые дреңуоты,
когда идет девятый вал.

И проявляет буря норов,
глотая бочки с серебром.
А в наших трюмах — легкий
порох,
в крылатых чашах — крепкий
ром.

Качает палубу, качает...
А мы смеемся и поем.
И море нас не замечает,
и мы его не признаем!

Товарищи металлурги!

Продолжается конкурс,
посвященный 100-летию со
дня рождения В. И. Ле-
нина.

Присылайте и приноси-
те нам свои стихи и рас-
сказы, рисунки и фото-
графии, посвященные жи-
зни и деятельности Ильи-
ча, произведения, посвя-
щенные героическим буд-
ням наших дней.

Активнее участвуйте в
конкурсе, товарищи!

К. НИКОЛАЕВ

СМЕНА

(рассказ)

ТЫ МНЕ СКАЗОК не расска-
зывай, — азартно говорил
Женька, еле поспевая за высоким
длинноногим Сергеем, — все эти
громкие слова ни к чему: сталевар,
основная фигура черной ме-
таллургии и все такое прочее! По-
думаешь, пуп земли! Это ты Ка-
тенюк своей рассказывай. Кстати,
где это она сегодня?

Женька оглянулся, будто на-
деясь увидеть Катю.

— Да с каким-то кашеваром
ушла, — поддел Женьку Сергей.

— А что! И кашевар такая же
профессия. Даже древняя. Само
собой. У каждого барона свой
повар был. Даже милостью поль-
зовался...

— Тыфу!
Женька обиделся, отвернулся и
немного отстал. Сергеем стало
жалко приятеля. Впрочем, поде-
лом ему: пусть не носится со сво-
им поварским колпаком, как с пи-
саной торбой. Как ведь уговари-
вал: давай вместе учиться, так
нет, заладил свое.

Женька был шуплый, как мок-
рый куренок, с детства боялся
как бы его не заподозрили в
мальчишеских шалостях, в кото-
рых он, кстати, никогда не при-
нимал участия, держался обособ-
ленно, а когда его спрашивали о
чем-либо взрослом, растерянно
глядел по-девичьи большими
синими глазами и хлопал ресни-
цами: вот-вот заплачет. Может
быть из-за этой своей трусовато-
сти он с детства и привязался к
Сергею. Привязался настолько,
что когда Сергей после окончания
школы решил податься в город —
не отстал, хотя долго потом еще
с тоской вспоминал тихий стан-
ционный поселок, окруженный
медными соснами, вечера над пле-
сом, в котором водилось много
золотистых пузатых карасей, при-
зывное мычание коров и архибод-
рое «кукареку» красно-пламенно-
го петуха — петух был увекове-
чен на фотокарточке с дымящей-
ся папироской в клюве: кто-то
бросил окурочку, петух вполыхал
к нему, взлетел на забор, и в
этот момент Женька щелкнул
затвором фотоаппарата: он как
раз учился фотографировать.

Перед тем, как писать заявле-
ние о зачислении в училище,
Женька долго маялся: не хоте-
лось отставать от друга и страши-
ли слухи о трудностях профессии,
выбранной Сергеем.

— Знаешь, и в армию если возь-
муть — тоже повара нужны...

— И во флоте тоже.

— Тем более! — оживлялся
Женька: — Штормяга в девять
баллов, волны с дом, холод. Бр!!!
А как кофе сварить, ромштекс
по-гамбургски...

Впрочем, все это было два го-
да назад. Сейчас Женька уже
проходит в заводской столовой
преддипломную практику.

А Сергей кончил училище на
«отлично». И вот завтра он выхо-
дит на комсомольско-молодежную
печь третьим подручным. Шутка
сказать! Первая самостоятельная
смена!

И перед этим завтрашним днем
бледили разные неувязки, и ста-
новились незначительными ссоры
вроде сегодняшней. Собственно
Сергей все равно прав: кашу кто
удобно сварит. А что касается
Кати... Что ж, пусть танцует с
другими, пусть. Он не кто-либо, а
подручный сталевара, найдет се-
бе получше Катю. Что в ней осо-
бенного: глазюки чернушние, сама
маленькая, к тому же курносая.
Правда, сердце как-то трогается,
когда вспоминаешь о ней. Лучше
уж подумать о завтрашнем дне.

СЕЛИ ПО РАНЖИРУ: у окош-
ка Степан Крат — сталевар,
потом подстать ему долгоязычный
первый подручный Михаил Павло-
вич (так его называли все: и под-
ручные и начальство), после —
Сергей и последний (тоже не низ-
зенький!) балагур Толик Зайцев.

Начальник смены Бердников
хмыкнул, поглядев на них, связ-
вил:

— Семейка у Степана мал мала
меньше... На сколько плавку бе-
решь? Завалку там как раз нача-
ли.

— Да так на три или на пять, —
лениво отозвался хитрый Степан:
к чему уточнять? А вдруг задерж-
ка.

— Цыганку позвать?
— Так с чулунком плоховато, —
увильнул Степан.

— Эка! Миксеровой, как купец
по цеху ходит, а ты — плохо.
Даю на три. Понял? Все. Кат-
шев!

Сергей встрепенулся, глядя по
сторонам: кто тут его однофами-
лец?

— Тебя спрашиваю, — засмеял-
ся Бердников, — не вертись. Пер-
вую смену?

— Да.

— Живешь в интернате?

— Пока что в общежитии учи-
лища.

— Непорядок. Завтра выходной
— переселяйся. Понял? Все.

Цех встретил обычным гулом,
шелестом пламени, свистом фор-
сунок и лязгом железа. Позвани-
вая, боком бегали завалочные ма-
шины, свет пламени, вырываясь
из печей, бесшумным крылом опа-
хивал подлеса. Толик ловко пере-
лез через состав, махнув рукою:
сюда!

Был он весь какой-то квадрат-
ный: и в плечах, и лукаво-добро-
душным лицом, и даже ладони
были квадратными.

Работали споро. Сергей уже
вспотел и чихал от едучего запаха
разложившегося доломита, а То-
лик не унимался:

— Веселей! Крат сегодня за-
даст нам жару! Ох, зальемся
шлачком, ох, зальемся! Ничего,
мы и сами с усами. — Он подми-
нул Сергею, подальше отсто-
яв от пробы: — Держи! По-
ложишь рядом со шлаковым же-
лобом. И пику приготовь.

— Да зачем все это? Мусора
ведь много. И воду провели.

— Там узнаешь, — пообещал
Толик.

(Продолжение следует)